

На правах рукописи

Катунин Дмитрий Анатольевич

**ВРЕМЯ В ЗЕРКАЛЕ
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕТАФОРЫ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск –2005

Работа выполнена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Резанова Зоя Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Антипов Александр Геннадьевич

кандидат филологических наук,
доцент
Шишкина Татьяна Альбертовна

Ведущая организация: Алтайский государственный университет

Защита состоится 17 июня 2005 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при Томском государственном университете (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан 16 мая 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета:
кандидат филологических наук, профессор _____ Л.А. Захарова

Общая характеристика работы

Диссертационное сочинение посвящено исследованию метафорической интерпретации категории времени в современном русском языке.

Актуальность исследования определяется его обращением к проблематике взаимоотношений объективной действительности, языка и мышления. На очередном этапе развития гуманитарных наук в языкознании вновь акцентирован антропоцентрический подход, предполагающий исследование языковых феноменов в тесной связи с человеком, его мышлением и различными видами его духовно-практической деятельности. В связи с этим особую значимость в рамках современной лингвистической методологии приобретает понятие языковой картины мира, представляющее язык как универсальную моделирующую систему логико-гносеологического характера.

Конечной целью исследования миромоделирующих систем является описание категориального аппарата человеческого мышления, прежде всего – содержания основных его категорий, играющих ведущую роль в системе мироопределения человека. Опора на время как одну из ведущих (наряду с «пространством», «субстанцией», «материей») миромоделирующих категорий лежит у истоков традиции описания языковой картины мира [Б. Уорф, 1999].

Проблема времени имеет междисциплинарный характер и тесно связана с развитием современной физики, космологии, биологии, психологии, социологии, искусства и других областей науки и культуры. Рассматриваемая категория на протяжении всей истории человечества играет значительную роль в процессах мировосприятия, поскольку специфика осознания времени является важным компонентом человеческой культуры и всей человеческой деятельности. Временные отношения регулярно оказываются в фокусе внимания лингвистов (Н.Д. Арутюнова, Дж. Лакофф и М. Джонсон, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, А.А. Зализняк, А.Я. Гуревич, Е.С. Яковлева, К.Г. Красухин, В.В. Иванов и В.Н. Топоров, А.К. Музафарова, В.С. Поликарпов, Н.А. Потаенко, Б. Уорф), при этом объектом описания становятся самые различные проявления рассматриваемой категории. Так, на лексико-грамматическом материале исследовались семантические модели времени [Красухин, 1997, Плунгян, 1997 и др.], рассматривались лексические показатели времени [Музафарова, 1998 и др.], целый ряд работ рассматривает время в аспекте описания языковой картины мира [Булыгина/Шмелев, 1992, 1997, Зализняк/Шмелев, 1997, Потаенко, 1997, Шмелев, 2002, Яковлева, 1994 и др.], в том числе – особенностей ее воплощения в разных проявлениях национальной культуры [Толстой, 1995, Толстая, 1987, 1991], ряд исследований посвящен анализу категории времени в аксиологическом аспекте [Рябцева, 1997, Толстая, 1991]. Исследовалась также внутренняя структура понятия времени, отражающихся в языковых формах, в сопоставительном аспекте [Гак, 1997]. Отдельные аспекты метафорического моделирования категории времени описаны в монографии Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999].

В настоящее время все более ясно осознается значимость включения лингвистических данных в существующие гуманитарные модели данного феномена. Методология современного языкознания направлена на выявление смыслов, объективированных в формах языка – лексических единицах, деривационных моделях, грамматических формах, которые отражают систему обыденных, наивных воззрений людей, говорящих на данном языке, и являются, именно в силу объективированности указанной системы, базой, основой вторичных рефлексий в других формах культуры.

В системе средств объективации картин мира **язык** занимает базисное положение, так как является семиотической системой, опосредствующей действие других знаковых систем. Вследствие этого моделирование картины мира народа может быть осуществлено через языковую картину мира, что является наиболее актуальным при описании таких абстрактных категорий, как время, не имеющее других способов формализации.

В реферируемой работе в качестве ядерного избирается материал **метафорического** моделирования категории времени. Актуальность обращения к такому способу моделирования действительности определяется, в первую очередь, базисностью метафорического моделирования смыслов в языке в целом, его генетической первичностью в выстраивании семантики естественных языков, а также тем, что семантика времени в языке интерпретируется, прежде всего, в метафорических языковых моделях и закрепляется в построенных по данным моделям единицах.

Метафорические номинации времени и его отрезков рассматриваются как интерпретирующий механизм, как одно из ведущих средств объективации базисных когнитивных моделей данного феномена. Подобный подход к метафоре складывается в современных работах по теории языковой картины мира, теоретико-

методологический аппарат которых учитывает достижения как структурной семантики, так и когнитивистского направления исследования метафоры (основы последнего были заложены в фундаментальной работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Дж. Лакофф, М. Джонсон, 1990]). Обоснование указанной методологии рассматривается в работах Н.А. Мишанкиной, З.И. Резановой, А.П. Чудинова, в том числе в статье «Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования)» [Резанова, Мишанкина, Катунин, 2002а], а также в монографическом исследовании «Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Часть 1» [Резанова, Мишанкина, Катунин, 2002б].

Заявленные методологические установки были применены к описанию русской политической модели [Чудинов, 2001], модели восприятия звукового образа мира [Мишанкина, 2002, Резанова, Мишанкина, Катунин, 2002б], этико-эстетической оценки человека [Ермоленкина, 2002], модели времени (частично) [Резанова, Мишанкина, Катунин, 2002б], пространственные модели [Мухачева, 2004], модели восприятия эмоций и чувств [Коберник, 2004].

Актуальность проблематики определила выбор объекта и предмета исследования.

Объектом исследования является метафорическая лексика современного русского языка, характеризующая **время и его отрезки**.

Предмет исследования – способы образного переосмысления свойств времени, объективированные в системе метафорических номинаций.

В качестве **единиц анализа** рассматриваются метафорические выражения, включающее наименование времени и его отрезков в сочетании с предикативными метафорическими конкретизаторами: *злое время, опередить время, время остановилось* и под.

Цель работы состоит в описании фрагмента русской языковой картины мира через исследование специфики метафорического моделирования семантического поля «Время» в русском языке.

Для достижения поставленной цели необходимо решение ряда конкретных задач.

1. Выработать систему обнаружения собственно языковых показателей отражения глубинных свойств времени в русском языковом сознании.
2. Выявить метафорические модели, репрезентирующие семантику времени в русской языковой картине мира.
3. Описать систему исходной семантики, являющейся базой метафорического осмысления времени в русском языке.
4. Определить характер корреляции метафорических образов времени в русской языковой картине мира и типов исходной семантики, являющейся базой образного переосмысления.
5. Охарактеризовать аксиологическую направленность метафорических номинаций времени в русском языке.
6. На основе анализа совокупности метафорических значений времени проинтерпретировать представление носителей русского языка о данном фрагменте картины мира.

Работа выполнена на **материале** современного русского литературного языка.

Материал исследования составляют единицы, извлеченные методом сплошной выборки из словарей русского языка (7) и произведений русскоязычных художественных текстов (созданных в XVIII – XXI вв., в т.ч. переводы на русский язык, выполненные русскими переводчиками). Всего было проанализировано более 800 словарных значений единиц, метафорически характеризующих время и его отрезки, и более 2500 контекстов.

В качестве ядерной группы рассматриваются метафорические сочетания, состоящие из двух видов единиц: имен существительных с интегральной семой «время» (*время, год, минута* и т.п.) и различных элементов их синтагматического окружения. Элементами синтагматического окружения могут являться прилагательные, глаголы, существительные, эксплицирующие глубинные предикативные отношения. Их результирующее значение метафорически характеризует время и его отрезки. Анализ основан на сопоставлении исходных – номинативных – значений и результирующих – метафорических – значений указанных единиц (ср.: *человек прошел – час прошел, река течет – время течет* и под.).

Русский язык содержит достаточно обширный пласт метафорической лексики, выражающей **предикативные характеристики времени**, ибо время, в числе прочих абстрактных категорий, описывается преимущественно при помощи метафор.

В качестве материала привлекается максимально широкий круг метафорических выражений времени. При этом в работе исследуются как узуальные (ядро метафорических моделей), так и окказиональные метафоры, как живые, образные метафоры, так и метафоры генетические (в терминологии Г.Н. Складневской).

Привлечение в качестве объекта исследования как языковых (инвариантных, воспроизводимых), так и текстовых (вариантных, невоспроизводимых) единиц, определяемых как окказиональные реализации, становится возможным в результате совмещения приемов системного (языкового) и контекстуального анализа.

При всех различиях в воспроизводимости, контекстной зависимости, глубине ассоциативного поля метафорического соотношения, типов связей с эстетической функцией речи [Г.Н. Складневская] в рамках реферируемого исследования акцент переносится на моменты их принципиального единства в типах смыслового моделирования, в типах организации семантики.

Все рассмотренные в работе метафорические сочетания включаются в метафорические парадигмы, основанием для объединения в которые послужила общность их исходных и результативных значений.

В результате такого анализа выявляется система **метафорических моделей**, под которыми понимается:

1) такой тип метафорического переноса, при котором у группы метафор отмечаются общий компонент как в результативных значениях, так и в исходных и общая аксиологическая ориентированность метафорического содержания;

2) группы метафор, сформированные по указанным принципам.

Данные модели включают единицы, входящие в **семантическое поле «время»**. Под семантическим полем, в соответствии с лингвистической традицией, в работе понимается «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева, 2000].

Научная новизна исследования состоит в следующем.

- В работе впервые система метафорических переносов, служащих для номинации свойств времени, рассматривается как способ языковой интерпретации семантического поля «время».

- Впервые выявлены основные типы языковых метафорических моделей осмысления времени: модели движения, субъектно-объектные модели, а также ряд качественных моделей.

- Определены параметры интерпретации времени в русской языковой картине мира, отраженные в системе метафорических обозначений. Охарактеризована совокупность семантических сфер, на основе метафорического переосмысления которых создается образ времени в русском языке.

- Выявлены семантические типы мотивирующих баз образного представления времени как конституирующие признаки метафорических моделей; они охарактеризованы в качестве источников метафорической характеристики времени.

- Впервые на метафорическом материале проведено описание ценностного компонента категории времени в русской языковой картине мира (РЯКМ).

Основным **методом исследования** и описания метафорических моделей, репрезентирующих семантику времени, является метод научного описания, реализованный в совокупности приемов:

– прием **компонентного анализа**, направленный на выявление семантического соотношения исходного и результирующего значений лексем, формирующих метафорическое словосочетание;

– прием **дистрибутивного анализа**, направленный на выделение функционально значимых компонентов метафорического значения, выявляемых в типовых сочетаемостях наименований отрезков времени;

– прием **интроспекции**, подразумевающий «учет социальных, культурных и пр. факторов, фоновых знаний и прошлого опыта индивида и социальных групп» [Резанова, Катунин, Мишанкина, 2002];

– прием **лингвистического моделирования**, направленный на выявление системы моделей метафорических обозначений времени, что позволяет описать представления о категории времени в национальной картине мира.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку проблем лингвокультурологии, теории языкового миромоделирования. Теоретическую значимость имеет описание времени как семантической сферы, выраженной вербально и занимающей ключевое положение в образной и категориальной системах русского языка. Исследование метафорической номинации как смыслоформирующей системы, как механизма выявления культурно значимых смыслов является вкладом в теорию лингвометафорологии.

Представленные в работе модели образного переосмысления категории «время», а также описанная в диссертации методика выявления ее образного и ценностного компонентов может быть использована при обработке лингвокультурологического и лингвострановедческого материала.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть применены при разработке курсов лексикологии современного русского литературного языка, лингвокультурологии и культурологии, этнолингвистики. Исследование может стать основой для спецкурса. Возможно привлечение аналитического материала работы при разработке курсов «Русский язык как иностранный», при создании словарей для иностранных студентов.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы были представлены на конференциях и семинарах: ежегодные научные конференции молодых ученых, проводимые филологическим ф-том ТГУ (1997–2001, Томск), Международный симпозиум «Языковая ситуация в России конца XX века» (1997, Кемерово), Международная конференция «Язык и культура» (1997, Томск), VII и IX Духовно-исторические чтения (1997, 1999, Томск), Всероссийская конференция «Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии», посвященная 120-летию Томского университета (1998, Томск), Международная конференция «21-е Дульзоновские чтения: Проблемы документации исчезающих языков и культур. Вопросы грамматической и лексической типологии. Проблемы преподавания иностранных языков в высшей и средней школе» (1998, Томск, ТГПУ), Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы русистики» (2000, Томск), Всероссийская междисциплинарная школа молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука» (2001, Томск), Международная конференция «Американско-сибирский фронт» (2001, Томск), Всероссийская конференция Объединения молодых учёных-филологов «Автор – текст – аудитория: методологические аспекты современной филологии» (2001, Саратов), 1-ая Межвузовская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых учёных (2001, Томск, ТПУ), Всероссийская конференция грантополучателей Программы МИОН «Потенциал социально-гуманитарных наук и проблемы развития современного российского общества» (2002, Санкт-Петербург), Всероссийская научная конференция «Философия и филология в современном культурном пространстве: проблемы междисциплинарного синтеза» (2003, Томск), Международная научная конференция «Американские идеи в гуманитарных исследованиях учёных Сибири» (2004, Томск).

Содержание работы отражено в 24 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из *введения, трех глав, заключения и списка литературы* (более 300 наименований).

Основное содержание работы.

Во *введении* обосновывается актуальность работы, ее новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, описываются материал и методы его исследования, а также излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе «Метафорические модели движения времени»* рассматриваются проблемы типологии, содержания и способов представления языковых моделей (ЯМ) движения времени.

Кратко рассматривается история вопроса о количестве языковых моделей (ЯМ) движения времени и их «взаимоотношениях» [Арутюнова, 1999, Успенский, 1989, Цивьян, 1990, Шмелев, 2002, Яковлева, 1994].

При описании языковых моделей учитывается как положение времени по отношению к человеку, так и позиция человека по отношению к нему: время и человек выступают как равноправные величины. В дальнейшем, вслед за Т.В. Цивьян, время рассматривается и определяется не как некое безотносительное понятие, а с точки зрения положения (самоидентификации) человека в той или иной ЯМ [Цивьян, 1990].

Во всех языковых метафорических моделях движения времени (ЯММДВ) в качестве ключевого определяется понятие движения, через которое время, очевидно, только и может быть осмыслено в языке: либо время движется относительно человека, либо человек движется относительно времени. На основании определения движения делается вывод о том, что такое движение-перемещение подразумевает, как минимум, трёхкомпонентную структуру: 1) субъект движения; 2) пространство, в котором это движение происходит; 3) направление движения.

Анализ структурно-смысловых элементов языковых моделей (что осмысливается как субъект движения, как пространство, в рамках которого осуществляется движение, каково направление этого движения, а также то, какую позицию занимают время и человек в этих моделях) и средств их выражения позволил выделить три типовые языковые метафорические модели движения времени (ЯММДВ): 1) динамическую модель; 2)

статическую модель; 3) синхронные модели. Каждая из выделенных в работе моделей движения характеризуется своеобразием роли человека и времени, их субъектно-объектных отношений и направления движения времени и человека, которое в большинстве случаев не эксплицировано и устанавливается только путём анализа других компонентов метафорической модели. Кроме того, рассмотрение ЯММДВ позволяет отметить некоторые закономерности осмысления времени в русском языке в плане линейной и циклической форм времени.

В работе наиболее распространённой в русском языке признается **динамическая ЯММДВ**, в рамках которой время выступает в роли активного субъекта движения, а человек занимает место пассивного наблюдателя этого движения. Данная модель рассматривается в главе 1 в качестве основной, поскольку средства её выражения частотны, регулярны, стилистически не маркированы и зачастую характеризуются потерей образной семантики при употреблении.

В такой интерпретации время (и его отрезки) представляются в виде материи, субъекта, движущихся мимо (или через) человека, который пассивен по отношению к этому движению.

Анализ смысловой базы данной модели, основу которой составляют ЛСГ глаголов перемещения, показал, что в сознании говорящего процессуальные характеристики времени имеют следующие свойства: поступательность перемещения, его самостоятельность и однонаправленность.

Выявлены следующие типы глаголов с исходным значением движения в физической среде, имеющие метафорические производные со значением движения времени: глаголы ядерной области класса **глаголов перемещения** (*двигаться, мчаться, тянуться* и т.п.); глаголы **“опосредованного” перемещения в физической среде** (*птица летит — человек летит* (в значении *быстро движется*) — *время летит*), **каузативные** глаголы перемещения (*нести, вести, мчать*) и их префиксальных форм: *принести, унести, привести, увести, умчать*. Движение времени выражается также с помощью ЛСВ глаголов *течь, литься* и их префиксальных образований.

Исходная семантика глаголов движения непосредственно задает и образ времени: время уподобляется человеку (*время идёт, бежит*), животным (*время летит, ползёт*), водному потоку (*время течёт, льётся*) и т.д.

В связи с исследованием динамической ЯММДВ обсуждается вопрос об определении направления его движения. Это оказывается возможным только в тех случаях, когда говорится о движении каких-либо отрезков времени, так как временные промежутки всегда маркированы по их принадлежности к будущему, прошлому или настоящему (*близится полночь, день уходит, год прошёл, приближается ночь* и др.).

Кроме того, в рамках описания динамической ЯММДВ рассматривается интерпретация такого параметра движения, как траектория, и оно может быть охарактеризовано по форме этой траектории (прямолинейное, параболическое и т.д.). Такой параметр актуализируется очень редко. В “вертикальной” плоскости движение времени может быть уподоблено *дугообразной кривой* – *день клонится к вечеру, его жизнь клонилась к закату* и т.п.

В связи с тем, что у глаголов движения в переносном значении потенциально возможны смыслы остановки времени, в реферируемом разделе отдельно рассматриваются ситуации, которые могут быть обозначены с помощью метафоры остановки времени: **«время стоит»** (*ночь на дворе, день за окном, ночь не за горами, не за лесом; осень у ворот* и др.) и **время остановилось** (*время в твоей стране остановилось* и др.).

В рамках **статической ЯММДВ** в реферируемом разделе рассматривается время, уподобленное пространству, а отрезки времени – деталям пространства (*подойти к порогу Третьего Тысячелетия, надеяться на совместное движение по дорогам времени* и др.). Человек рассматривается как активный субъект движения по такому пространству. Метафоры, использующиеся для описания такой ситуации, могут быть маркированы как «книжные» и встречаются преимущественно в публицистических текстах (газетные публикации, ораторские выступления и т.п.).

Выявляются средства выражения данной модели: метафорическими сочетаниями, формируемыми глаголами движения, отглагольными существительными в переносных значениях. При этом субъектную позицию при предикатах движения занимают обозначения человека, группы лиц, общественных, государственных органов и т.д., обозначение отрезков времени занимает позицию пространственного локализатора. Субъектная позиция времени возможна при предикате ожидания, фиксирующего пассивную позицию времени по отношению к «передвигающемуся человеку»: *нас ждут веселые каникулы*.

В качестве объекта исследуется развитие человека как члена какой-либо социальной структуры, государства, общества, а также оценка исторических, социальных аспектов развития каких-либо общественных

и государственных институтов. И если ориентация движения человека в рамках такой модели однонаправлена (от прошлого к будущему), то движение государства и общества может осуществляться как вперёд (в будущее), так и назад (к прошлому).

В художественных текстах метафорические сочетания реализуют потенциальные возможности языковых метафорических моделей: если какой-либо субъект движения обладает способностью перемещаться вперёд, то, следовательно, он гипотетически (потенциально) должен иметь способность двигаться и назад (*Мы идём к светлему*) *будущему*; / *Мы возвращаемся (!) к (тёмному, мрачному и т.п.) прошлому*).

В связи с анализом статической ЯММДВ также отмечается, что, в отличие от динамической и синхронной, «горизонтальная» вариативность движения человека во времени представлена шире. Это обусловлено наличием в семантической структуре метафор, отражающих эту модель, компонентов со значением пространства, в котором происходит движение: *столбовая дорога истории, окольные пути истории* и т.п. Здесь отмечается выраженная этическая ориентированность такого пространства (в структуру этической аксиологической модели «хорошо/плохо» русского языкового сознания включены противопоставления «второстепенный / главный» и «прямой / не прямой»). В подавляющем большинстве случаев в связи с тем, что траектория движения времени зачастую никак не обозначена, такое движение в работе признается прямолинейным.

Следующий раздел реферируемого исследования представляет описание **синхронных ЯММДВ**: *идти (шагать) в ногу со временем; идти рука об руку (рука в руку) с веком; попасть в ногу с современностью; опережать своё время; обогнать своё время; забегать вперёд; отстать от времени; не поспевать за временем; быть не в состоянии угнаться за временем; идти (плестись) в хвосте у событий; идти на поводу у времени; действовать наперегонки со временем*. В разделе рассматриваются модели, в которых время и человек метафорически интерпретированы как движущиеся одновременно по некоему пространству. В зависимости от самостоятельности / несамостоятельности такого перемещения выделяются три синхронных ЯММДВ.

1) Время и человек являются активными субъектами, передвигающимися самостоятельно и независимо (хотя и соотносимо) друг от друга (*отстать от своего времени*); в семантическом фокусе находится скорость движения человека, которая сравнивается со скоростью движения времени как эталоном (*опережать время – человек движется быстрее времени; угнаться за временем – человек с трудом достигает скорости движения времени*), а также соотношение ритмического рисунка их движения.

2) Время уподоблено активному субъекту, ведущему (или несущему) человека, занимающего пассивную позицию (*время привело нас к чему-либо; идти на поводу у времени*). Данная модель рассматривается как переходная к другой группе метафорической лексики, которая по ряду своих признаков также может быть отнесена к синхронным ЯММДВ.

3) Человек как активный субъект либо тянет (тащит, волочит) груз, которому уподоблено время, либо ведёт (проводит) время, представленное в виде какого-либо физического субъекта (*влачить свои дни; весело провести время*).

Отдельному рассмотрению в первой главе реферируемого исследования подвергается вопрос о **циклической и линейной (линейной) формах времени**, активно обсуждаемый в научной литературе. В связи с этим отмечается, что в современной РЯКМ эти феномены сосуществуют, а их актуализация зависит от того, какой отрезок времени характеризуется в том или ином метафорическом сочетании, причем количество лексики с собственно циклической семантикой в русском языке ограничено (*день и ночь, весна и лето* и под.).

На основании проведенного анализа выявляется, что в РЯКМ наличествуют некие идеальные циклы, с которыми сравниваются происходящие циклические изменения и, в случае их несоответствия идеалу, эти изменения оцениваются как нечто аномальное, что и находит своё отражение в языке. Осознание цикличности времени проявляется прежде всего тогда, когда случается какое-либо нарушение круговорота времён (*весна в этом году поздняя, зима задержалась*), причем в сознании человека доминирующими временными обозначениями, как при осознании годового цикла, так и суточного, являются наиболее ярко выраженные, полярные по своим свойствам отрезки циклов: зима / лето, ночь / день. Годовой и суточный циклы метафорически представляются в русском языке прежде всего как круги, расположенные вертикально, где вверху размещаются лето или день, а внизу – зима или ночь (*июль – макушка лета; глубокой ночью; была в зените своей жизни*).

В завершающем разделе первой главы рассматриваются проблемы аксиологической ориентации ЯММДВ. В итоге выявляется, что оценочные смыслы в разной степени выражаются во всех моделях такого типа, что

определяется психологическими закономерностями восприятия времени (склонность преувеличивать небольшие и преуменьшать большие промежутки времени, зависимость временного восприятия от эмоционального состояния и т.д.). При этом в одних моделях их статус в структуре ЛЗ метафорической единицы проявляется как основной (динамическая и синхронные ЯММДВ), а в других – как второстепенный (статическая ЯММДВ).

В качестве средств формализации указанных смыслов называются самые разнообразные средства языка: глагольные метафорические предикаты, разного рода распространители (наречия, прилагательные), устойчивые сочетания и штампы, имеющие изначально метафорическую природу.

Вторая глава «Языковые метафорические субъектно-объектные модели времени» описывает типологию, содержание и способы представления субъектно-объектных языковых метафорических моделей времени. Согласно такому представлению время и его отрезки уподобляется субъекту, совершающему какие-либо действия, обозначаемые глаголами преимущественно переходного типа, либо объекту, с которым подобные действия совершаются. Именно такой тип взаимоотношений (в первую очередь человека и времени) был взят за основу объединения метафорических сочетаний в модели, рассматриваемые в этой главе. Сложность иерархической организации внутренней структуры главы определяется многочисленностью конкретных смысловых наполнений исследуемых в нем метафорических выражений.

В разделе, посвященном исследованию специфики метафорической интерпретации времени как **субъекта воздействия**, рассматривается наиболее представленный в РЯКМ тип субъектно-объектного осуществления времени. В первую очередь исследуется специфика моделирования деструктивного воздействия времени на сферу физического. Время здесь рассматривается как субъект действия, производящий разного рода манипуляции с объектом, которым (наряду с натурфактами и артефактами) зачастую является человек. Подтверждением доминирования подобной интерпретации взаимоотношений времени и человека является продуктивность и регулярность таких метафорических моделей.

Операции времени с человеком, имеющие ярко выраженный деструктивный характер, признаются наиболее частотными, что служит причиной проявления негативной оценочной семантики в такого рода метафорах (*что время делает с нами, время стёрло с его [князя] лица печать молодости и печать красоты*). В то же время, отмечается, что аксиологические характеристики могут варьироваться в зависимости от объекта воздействия времени. Метафорически осмысливаемое воздействие времени (как некой безграничной категории, абстрагированной от какой-либо исторической эпохи) на физическую сторону человека (его здоровье, красоту и т.д.) определяются в работе как воспринимаемые однозначно отрицательно (*время не щадит никого*), а отсутствие такого воздействия – положительно (*Ирэн время словно совсем не коснулось; годы пощадил её*). Сопrotивление человека таким действиям времени определяется как оцениваемое говорящим сугубо положительно (*не сдаваться годам*).

В разделе также выявляется формальная структура данной метафорической модели – ее основой признаются сочетания, организуемые объектно направленным предикатом с широким спектром значений, имеющим в качестве субъектного актанта имя временной семантики, а в качестве объекта – наименование лица.

На основании анализа делается вывод о том, что в РЯКМ влияние времени на физическую сторону существования человека воспринимается как одностороннее.

Далее в работе рассматриваются метафорические контексты, свидетельствующие о том, что в РЯКМ время может восприниматься как субъект, негативно воздействующий не только на человека, но и на целый ряд неодушевлённых объектов (*всесокрушающая рука времени не коснулась скал; крепостные стены, уже тронутые временем; украшения, зачернённые временем*). Такой тип интерпретации признается вариантом реализации метафорической модели, рассмотренной ранее; отличие заключается в типе замещения роли объектного актанта именами неодушевленных объектов (при этом, как и в варианте с объектом-человеком, сохраняется субъектная позиция, занимаемая обобщающей номинацией – *время*, общим является и набор предикатов, интерпретирующих тип соотношения времени и объекта воздействия, – тем самым создается единство модели).

В рамках анализа метафорической интерпретации **воздействие времени как какой-либо исторической эпохи** такое воздействия определяется по преимуществу как негативное. Такое влияние времени распространяется, прежде всего, на абстрактные явления, и это воздействие может оцениваться и отрицательно, и положительно в зависимости от общепринятой коллективной оценки той или иной эпохи.

Далее в работе исследуется использование метафорической модели деструктивного воздействия времени на сферу абстрактного. Выявляются ее варианты, противопоставляемые варьированием объектного компонента модели: образы чувств, ментальной сферы и социальных отношений. Модель характеризуется широким спектром ЛСГ глаголов, замещающих предикатный компонент, при этом тип реализуемого предиката соотносится с типом объекта.

Наиболее актуальным признается использование данной модели при описании каких-либо эмоциональных переживаний человека (*время гасит зло, время сглаживает эмоции, годы гасят чувства*). Время в такой ситуации предстаёт как субъект, устраняющий или значительно ослабляющий эти переживания. Соответственно, и оценка воздействия времени зависит от оценки объекта такого воздействия: если эмоции, подверженные деструктивному влиянию времени, воспринимаются отрицательно, то такое влияние оценивается положительно, и – наоборот. При метафорической характеристике воздействия времени на чувства модель допускает использование самого широкого спектра предикатов, семантика которых содержит компонент деструкции, что создает возможность при переносе в сферу обозначения чувств выразить семантику их нивелирования.

Далее рассматриваются менее частотные варианты интерпретации времени как субъекта деструктивного воздействия на сферу абстрактного: метафорическое воплощение воздействия времени на сферу **социальных отношений** (*время расширяет королевскую власть*), характерного прежде всего для каких-либо социальных институтов, и на **ментальную сферу** (*черты зловещего времени, жестоко убивавшего в людях самый дух вольной игры и вольной мысли*). Особую группу в системе представления времени как субъекта воздействия на сферу абстрактного составляют метафорические сочетания с глаголом *работать* (*время работает на нас; время работает против нас*).

Кроме действий деструктивного характера время может быть наделено качествами **субъекта, сознательно производящего что-то новое**, до этого момента не существовавшее, либо самым существенным образом изменяющего уже созданное в направлении его улучшения (*время укрепило, сформировало; время лечит* и др.). Оценка говорящим результатов такого творчества зависит от того, что же было произведено, поэтому такое воздействие времени может восприниматься и положительно, и отрицательно.

Отдельно рассматривается метафорическая модель, в рамках которой время осмысливается как **субъект социального регулирования**, предъявляющий к человеку какие-либо требования, которые могут носить как императивный, так и рекомендательный характер. Модель представляется как вариант субъектного проявления категории времени. Субъектная позиция в большинстве случаев замещается маркированными каким-либо образом номинациями конкретных исторических эпох. Объектную позицию в этом типе метафорической модели занимает либо человек в аспекте его личностных качеств – психических, социальных и под., – либо сами эти качества, типичные виды отношений и действия человека в мире, в том числе продукты его деятельности, ср.: *время заставило, смел для своего времени, знания на уровне времени, эпоха покровительствует познанию, время заставило вступить в конфликт, день взял его в оборот*.

В аксиологическом плане утверждается, что человек должен иметь способность уловить требования и пожелания времени, которые могут быть выражены достаточно разнообразными способами, и находиться на уровне этих требований. В противном случае его поведение, образ жизни оцениваются отрицательно.

Кроме того, как отмечается в реферируемом разделе, в РЯКМ каждый определённый отрезок времени, проживаемый человеком, вынуждает его приспосабливаться к ритму такого отрезка, выполнять его требования, что также позволяет отнести метафоры с подобной семантикой к императивной модели метафор времени: *Андрей чувствовал, что наступивший день взял его в оборот и принуждает думать о множестве вещей, которые его совершенно не интересуют* (Пелевин). Подобное право распоряжаться поступками человека может быть обосновано ещё и тем, что в РЯКМ время как определённая историческая эпоха может пониматься как своего рода хозяин человека: *Жюль Верн и Паганель принадлежат девятнадцатому веку, веку великих путешественников и исчезающих белых пятен, веку колониальных империй и гнева угнетённых...* (Казанцев). Предписывающими, командными функциями в РЯКМ наделены сегменты суточного цикла (день, ночь и т.д.): *Клонит к лени полдень жгучий* (А.К. Толстой). Регулирующая функция времени может касаться не только человека, но и животных, например: *Ночь выгоняет красного волка из его берлоги, /.../ хищники до тех пор не упустят верной добычи, пока заря не загонит их обратно в тёмные логова* (Верн, перевод Бекетовой).

В следующем разделе рассматривается специфика интерпретации времени как **субъекта, побуждающего к действию**.

Выявляется ряд исходных образов, которым может быть уподоблено время при побуждении человека к действию или к более быстрому его совершению: 1) как человек, отводящий какой-то определённый срок, в который необходимо уложиться; 2) как субъект, совершающий действия, которые направлены на создание дискомфортных для человека условий; 3) как субъект, торопящий и подгоняющий человека. Согласно такому типу метафорической интерпретации, время *может не ждать, не терпеть, подгонять* и т.п. При анализе аксиологического содержания данной модели выяснилось, что чаще всего побуждение, осуществляемое временем, оценивается негативно, так как человек, оказавшись в данной ситуации, вынужден действовать в спешке и, следовательно, зачастую не всегда качественно: *Это скорее походило на заключительную часть лекции, которую профессор комкает, ибо время поджигает* (Апдайк, перевод Патрикеева).

Далее рассматриваются возможности метафорического представления времени **в роли судьи**, оценивающего действия человека, эксперта, выносящего решения относительно качества, например, каких-либо произведений искусства. Помимо этого время наделяется функцией субъекта, воздающего человеку в будущем за все его поступки в настоящем и прошлом. Время в такой интерпретации может подготавливать «сцену действия» для будущих поступков человека и давать советы, рекомендации, ориентирующие человека в его действиях.

Наделение времени судейской функцией определяется как одно из наиболее распространённых уподоблений времени в РЯКМ (в рамках материала, где время представлено как субъект действия). В системе метафорических образов, отражающих взгляд на соотношение человека и времени, правильность или, наоборот, неверность любого действия может быть оценена только *будущим* (относительно момента действия) *временем*, которое характеризуется действиями, обозначаемыми глаголами *рассудить: Будущее всё рассудит и всё расставит по своим местам* (Амирэджиби); *Всё это пока одни мечты! Осень покажет, в какую форму выльются мои хлопоты* (Арсеньев).

В позиции субъекта в подобных моделях находится время вообще, определённым образом локализованное на линии развертывания времени «прошлое – настоящее – будущее». При этом положение времени на указанной шкале выводится из контекста. В позиции субъекта в данной модели также могут выступать прямые обозначения отрезков времени, сориентированные по отношению к настоящему, прошлому и будущему времени, реже – какие-либо наименования других отрезков времени. Объектом в рамках рассматриваемой модели обычно являются действия, поступки, взгляды людей – как социально значимые (*реорганизация промышленности в России, Великая французская и Октябрьская революция*), так и личностно ориентированные (*мои хлопоты, спор*).

Многие абстрактные понятия в сознании человека представляются как *освященные временем*. Время наделяется способностью сакрализировать какие-то положения жизни общества. Однако такое свойство не избавляет их от периодически совершающегося критического пересмотра, и тогда признак освящённости временем воспринимается уже как свидетельство чего-то косного, регрессивного: *Тут потребности умственной жизни сталкиваются и приходят в борьбу с понятиями, принятыми в обществе и **освященными временем*** (Писарев).

Представление времени как **объекта каких-либо манипуляций человека**, рассматриваемое в следующем разделе работы, менее характерно для РЯКМ. Выступая в качестве **объекта воздействия**, время метафорически уподобляется количеству чего-либо ценного для человека: деньгам или каким-либо другим материальным ценностям, что проявляется в семантике глаголов (*тратить времени; красть время; экономить время*), ограниченным запасам жидкости (*истекал год; исчерпать время*), пище (*съесть много времени*) и др. Во всех случаях наличие большого "количества" времени воспринимается положительно, а малого – отрицательно. Также чаще всего негативно оценивается и *убывание* времени, его *растрата*.

Остальные метафорические образы времени как объекта признаются в работе нерегулярными, разнородными и непродуктивными (к таковым относятся метафорические образы времени со значением умерщвления (*убить время, отравить молодость*), захвата (*не захватить эпоху, поймать мгновение*) и пространственного перемещения (*оттянуть час расставания, приблизить день*).

В последнем разделе второй главы рассматриваются **аксиологические аспекты** субъектно-объектных языковых метафорических моделей времени; при реализации таких моделей значение оценочности становится дополнительным при выражении основных смыслов.

Третья глава реферируемого исследования представляет результаты исследования **качественных метафорических моделей времени**, без которых описание метафорического фрагмента времени в РЯКМ

окажется неполным. Такие модели строятся на базе определений времени, выражаемых прилагательными, которые представляется возможным классифицировать на основании сходства / различия исходных значений и целеполагания при употреблении переносных.

Семантика производящей базы качественных характеристик времени определяется в работе как крайне разнородная. Значения переносных ЛСВ проанализированных определений зачастую структурируются отлично от групп по исходным значениям (например: если в исходной семантике слова *бедный* и *богатый* имеют общую интегральную сему «степень достатка», то их переносные значения характеризуют разные признаки времени. Выявлено, что основным компонентом переносных значений рассмотренных определений является оценочность, и, соответственно, такие характеристики выполняют в первую очередь аксиологическую функцию, причем в количественном отношении отмечается преобладание негативных определений.

Раздел, посвященный описанию *метафорических моделей времени, описывающих сферу чувств*, представляет первую группу качественных моделей. Модель отличается неравномерной «задействованностью» предикатов, в своём исходном значении определяющих восприятие посредством разных органов чувств. В наибольшей степени для этой цели востребованы определения, характеризующие **визуальное восприятие**, что отражается в возможности использования относительно большого количества прилагательных с исходным значением цвета и света при определении времени:– *Чёрный год придёт, чем станем платить?* (Гарин-Михайловский).

Как проявление второго варианта модели рассматриваются сочетания обозначений времени с прилагательными, в первичном значении характеризующими аспекты **слухового восприятия**: (*глухая полночь; Тиха украинская ночь*).

Последующие варианты моделей метафорической характеристики времени представлены единичными примерами определений, в исходном значении отражающими особенности восприятия при помощи других органов чувств: вкуса (*горький и сладкий*), тактильных ощущений (*мягкий*), запаха (*затхлый*).

В разделе, посвященном описанию **качественных субъектных** метафорических характеристик времени, в первую очередь рассматриваются словосочетания, включающие прилагательные с исходным значением эмоций человека (*весёлое / грустное время*). В их отношении отмечается, что если количество единиц с положительной семантикой среди таких единиц относительно невелико (*весёлый и счастливый*, и потенциально возможна *радостный*), то метафорических определений со значением негативной оценки значительно больше: (*грустная ночь, унылая пора, тоскливая, хмурая осени, несчастный день* и др.).

Следующую модель образуют сочетания обозначений времени с прилагательными с исходным значением «черты характера человека по основанию благожелательности / неблагожелательности»: (*добрый час, ласковый день*).

Метафорические сочетания, образованные при помощи прилагательных с исходным значением эмоций и характера, служат выражению аксиологических смыслов, которые прослеживаются в исходных значениях, а в переносных выходят на первый план. Даная метафорическая модель обозначена как открытая и продуктивная, образование переносного значения в ней регулярно.

Остальные рассмотренные качественные модели охарактеризованы как нерегулярные и непродуктивные для производства новых переносных ЛСВ, определяющих время. К таковым относятся модели, включающие прилагательные с исходным значением характеристики ментальной сферы человека (сумасшедшее время, безумный день), социальные характеристики человека (*свободный вечер, вольная жизнь*), характеризующие по исходному значению наличия / отсутствия достатка (*зима богата снегом, богатый год*).

Отсутствие высокой продуктивности и регулярности отмечено и по отношению к моделям, включающим **качественные объектные** метафорические характеристики времени. В их рамках время метафорически осмысливается как нечто очень ценное (*драгоценное время, время дорого*), сделанное из определенного материала (*резиновые сутки*) и т.п.

Заключение представляет собой обобщение результатов исследования и описание итогового сводного фрагмента РЯКМ.

1. Метафорический фрагмент русской ЯКМ, репрезентирующий время, отражает модель представления данной категории высокой степени абстракции в сознании носителей русского языка. Исследование метафорических моделей позволяет выявить образ времени, существующий в сознании современного человека.

3. Выявленная в работе система метафорических значений единиц с семантикой времени позволяет утверждать, что результат интерпретации времени в сознании носителей русского языка представлен моделями

его движения, моделями воздействия времени на окружающий мир и воздействия компонентов окружающего мира на время, а также рядом качественных моделей, где время представлено как воспринимаемое различными органами чувств, как субъект эмоционального переживания и др.

4. Базовыми для РЯКМ являются динамическая модель движения времени, модель деструктивного воздействия времени и количественные модели, о чем свидетельствует степень частотности их актуализации, количество зафиксированных единиц, регулярность производства переносных ЛСВ и степень функциональной универсальности.

4. Метафорические модели времени имеют аксиологическую направленность. При реализации моделей движения времени оценочные смыслы являются базовыми для большинства моделей; при реализации моделей, где время выступает как субъект или как объект различных действий, не связанных с семантикой направленного движения, значение оценочности становится дополнительным.

5. Множественность типов исходных значений метафорического переосмысления образов времени в русском языке может рассматриваться как свидетельство базовости этой категории в категориальном аппарате мышления.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

1. Катунин Д.А. Об особом статусе метафорического сочетания *время движется к полночи* (и подобных ему) в системе языковых моделей «движения» времени // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Материалы всероссийской конференции, посвящённой 120-летию Томского университета. (27-29 марта 1998 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998 г. С. 171-174.

2. Катунин Д.А. Семантика «движения времени» в смысловой структуре глаголов перемещения // *Juvenilia*: Сборник студенческих и аспирантских работ. Второй выпуск. Тезисы докладов научно-практической конференции филологического факультета Томского государственного факультета 1997 года. – Томск: Издание ТГУ, 1998 г. С. 74-76.

3. Катунин Д.А. О направлении движения времени // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: Межвузовский сб. статей / Под. ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998 г. С. 222-226.

4. Катунин Д.А. Метафора остановки времени // Вопросы грамматической и лексической типологии. Проблемы преподавания иностранных языков в высшей и средней школе: Материалы Международной конференции «21-е Дульзоновские чтения» (Часть 2-я). – Томск: Издание ТГПУ, 1998 г. С. 38-44.

5. Катунин Д.А. Языковые модели времени как фрагмент русской национальной культурной конструкции // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых учёных. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999 г. Вып. 4. С. 98-105.

6. Катунин Д.А. Лексические средства выражения динамической модели «движения» времени // *Juvenilia*: Сборник студенческих и аспирантских работ. Выпуск 3-ий. Материалы докладов региональной научно-практической конференции по филологии (апрель 1998 г.). – Томск: Издание ТГУ, 1999 г. С. 34-37.

7. Катунин Д.А. Особенности отражения характеристик «движения» времени в художественных метафорах // *Juvenilia*: Сборник студенческих и аспирантских работ. Выпуск четвёртый. Тезисы докладов научно-практической конференции филологического факультета Томского государственного университета 1999 года. Издание ТГУ, 1999 г. С. 29-31.

8. Катунин Д.А. Метафорическое отражение синхронных моделей «движения» времени в русской языковой картине мира // Язык и культура: Сб. науч. статей XIII международной научно-методической конференции, посвящённой 120-летию Томского государственного университета / Под ред. С.К. Гураль. Разделы I-VII. – Томск: Издание ТГУ, 1999 г. С. 42-49.

9. Катунин Д.А. К вопросу о языковом отражении идеи циклического времени // Филологические исследования: Сб. статей молодых учёных. – Томск: Издание ТГУ, 2000 г. С. 56-62.

10. Количественные модели времени как фрагмент русской языковой картины мира (метафорический аспект) // *Juvenilia*: Тезисы докладов Региональной филологической конференции молодых учёных (24 марта 2000 г.). Выпуск пятый. – Томск: Издание ТГУ, 2000 г. С. 57-59.

11. Катунин Д.А. Идея циклического времени: проблема языкового отражения // Православие и Россия: канун третьего тысячелетия: Материалы Духовно-исторических чтений / Под ред. протоирея Л.М. Хараима и О.Т. Лойко. – Томск: Изд-во ТПУ, 2000 г. С. 64-66.

12. Катунин Д.А. Метафорическая интерпретация времени как субъекта, побуждающего к действию // Коммуникативные аспекта языка и культуры: Сб. науч. статей и тезисов 1-ой межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. / Под ред. Н.А. Качалова. – Томск: Издание ТПУ, 2001 г. С. 103-105.
13. Катунин Д.А. Метафорическое отражение воздействия времени на сферу абстрактного в русском языковом сознании // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы русистики», посвящённой 70-летию профессора кафедры русского языка О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 134-137.
14. Катунин Д.А. Метафорическая интерпретация времени как деструктивного субъекта действия в русской языковой картине мира // Актуальные проблемы лингвистики: Материалы Региональной конференции молодых учёных (24 марта 2000 года). – Томск: Издание ТГУ. С. 180-185.
15. Катунин Д.А. Метафорическая интерпретация времени как субъекта действия в русской языковой картине мира // Картина мира: язык, философия, наука: Доклады участников Всероссийской школы молодых ученых (1-3 ноября 2001 г.). – Томск: Издание ТГУ, 2001. С. 44-46.
16. Катунин Д.А. Границы пространственно-временных сфер бытования человека // Европейские исследования в Сибири: Материалы всероссийской научной конференции «Американский и сибирский фронт» (Томск, 6-8 февраля 2001 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001 г. С. 247-250.
17. Катунин Д.А. «Судейская» функция времени в русской языковой картине мира // Картина мира: модели, методы, концепты: Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых учёных «Картина мира: язык, философия, наука» (1-3 ноября 2001 г.) / Под общей редакцией профессора З.И. Резановой. – Томск: Издание ТГУ, 2002 г. С. 141-145.
18. Катунин Д.А. Методы исследования метафорического моделирования в языковой картине мира // Языковая ситуация в России начала XXI века: Материалы Международной научной конференции. – Кемерово, 2002 г. С. 120-137. (В соавторстве с З.И. Резановой, Н.А. Мишанкиной).
19. Катунин Д.А. Отражение особенностей национального восприятия времени в русской языковой картине мира // Потенциал социально-гуманитарных наук и проблемы развития современного российского общества: Сборник аннотаций докладов и выступлений Первой Всероссийской научно-практической конференции грантополучателей программы «Межрегиональные исследования в общественных науках». Санкт-Петербург, 18-20 декабря 2002 г. – СПб: Издательство «Альянс «Дельта». С. 31.
20. Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира // Потенциал социально-гуманитарных наук и проблемы развития современного российского общества: Сборник аннотаций докладов и выступлений Первой Всероссийской научно-практической конференции грантополучателей программы «Межрегиональные исследования в общественных науках». Санкт-Петербург, 18-20 декабря 2002 г. – СПб: Издательство «Альянс «Дельта». С. 84-85. (В соавторстве с З.И. Резановой, Н.А. Мишанкиной).
21. Катунин Д.А. Время и человек в метафорическом фрагменте русской языковой картины мира: субъектно-объектные отношения // Миромоделирование в языке и тексте: Сборник научных трудов / Под ред. З.И. Резановой. – Томск, Изд-во Том. ун-та, 2003 г. С. 43-58.
22. Катунин Д.А. Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования) // Вестник Томского государственного университета (Серия «Философия. Культурология. Филология»). №277. 2003 г. С. 164-171. (В соавторстве с З.И. Резановой, Н.А. Мишанкиной)
23. Катунин Д.А. Метафорические модели времени в русской языковой картине мира. Глава 3 // Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Часть 1. / Отв. ред. З.И. Резанова. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003 г. С. 145-203.
24. Катунин Д.А. Субъектно-объектные отношения времени и человека в метафорическом фрагменте русской языковой картины мира // Философия и филология в современном культурном пространстве: проблемы междисциплинарного синтеза: Рабочие материалы Всероссийской научной конференции. – Томск, 3-6 декабря 2003 г. С. 20-21.